3. Сопоставление текстов подтверждает мнение о тесной связи повести с чудом Агапия. Указание переписчика XVIII в. о переводе повести с латинского языка монахом Ерофием должно быть признано неправильным, потому что единственный латинский текст легенды о Сальватике, близкий к повести о Персике, оказывается гораздо более далеким от нее, чем легенда Агапия.

4. Надо также отбросить гипотезу о сборнике «Звезда пресветлая» как возможном источнике повести о Персике. Там нет рассказа об исцелении отсеченных рук невинно гонимой девушки и отдельные легенды сближаются с повестью о Персике то общей схемой богородичного чуда, то отдельными его мотивами.

5. Все это путем исключения дает достаточное основание полагать, что повесть о Персике была создана в начале XVIII в. в России как творческая переделка легенды Агапия вскоре после перевода его сборника «Грешных спасение» на русский язык в московском Чудовом монастыре.

Сличение повести о Персике с легендой Агапия Критянина показывает, что русский автор начала XVIII в. во многом оказался самостоятельным.

Подобно другим повестям первой половины XVIII в., в повести о Персике события развертываются в разных странах (Болгария, «некое» государство от африкийских стран», Пефлагония, Рим), вопросам воспитания и просвещения придано существенное значение. Совсем иначе, чем в легенде Агапия, разработана любовная тема.

Автор повести о Персике в полном соответствии с русской повестью, лирикой и драмой первой половины XVIII в. стремится подчеркнуть напряженность любовных переживаний персонажей, увеличивает количество чувствительных сцен, нагнетает элементы чувствительности (слезы, отчаяние, попытки самоубийства; отчаяние, «изумление» — временное сумасшествие; обморок, падение к ногам), охотно вводит в язык произведения слова из новой деловой речи («министры», «резолюция», «обычаи гражданские и политические», «триумф» и т. п.) и модной галантной лексики («уязвитися сердечной любовию», «болезнь сердечная снедает сердце» и др.).

Сохраняя благочестивый колорит, навеянный греческим источником XVII в., автор повести о Персике создает произведение, которое под его пером из легенды о богородичном чуде превращается в любовно-авантюрное повествование и оказывается ближе к произведениям типа Повести о российском матросе Василии Кириацком, чем к жанру средневековой легенды о чуде богоматери.